

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 09—27.
Siberia Humanitarian. 2024;(4):09—27.

Общество и политика

Научная статья
УДК 323.396(430.2):378.12(091)
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-09-27>

Элита под контролем: из истории повседневности Института (Академии) общественных наук при ЦК Социалистической единой партии Германии (1951—1990)

Татьяна Семеновна Иларионова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ilarionovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы развития Института (с 1976 г. — Академии) общественных наук (АОН) при ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) с 1951 по 1990 г., ее повседневная работа по формированию собственного коллектива преподавателей и сотрудников и подготовке аспирантов и слушателей для правящей партии ГДР. Автор видит в АОН при ЦК СЕПГ институт формирования элиты социалистического общества, с опорой на работы германских и советских историков делает вывод о «позиционном» (должностном) типе этой элиты, что было присуще и другим соцстранам, в первую очередь СССР. На примере Института (Академии) показано, как складывалась система всеобъемлющего контроля над деятельностью преподавателей и аспирантов со стороны руководства вуза. В эту систему входило составление преподавателями детальных учебных планов, конспектов лекций, разработок практических занятий, контроль конспектов аспирантов; важными формами контроля были предварительные обсуждения выступлений на конференциях, публикаций преподавателей. Повседневное наблюдение за коллективом велось на кафедрах, большую роль в этом играла библиотека с ее учетом абонированных книг читателями. Данная система создавалась и поддерживалась фактически несменяемыми на протяжении всей истории страны руководителями вуза — Лене Берг и Отто Рейнгольдом, последний беспрерывно был на посту директора, позже ректора Института (Академии) почти 38 лет. Автор делает вывод, что элита социалистической ГДР (в отличие от других исторических типов элиты) не была «праздным классом» в полном смысле, как это представлено в теории Т. Веблена: напротив, эта элита должна была изо дня в день доказывать свою нужность ради сохранения должности, демонстрировать приверженность марксистско-ленинской идеологии и руководству вуза и партии, трудиться для подтверждения собственной состоятельности. Это сыграло свою роль в 1989—1990 гг., когда члены СЕПГ и, в частности, преподаватели Академии общественных

наук при ЦК СЕПГ потеряли свои привилегии и были не востребованы в научном и образовательном сообществе объединенной Германии. Автор опирался на материалы Российского государственного архива социально-политической истории и Федерального архива Германии, большая часть этих материалов впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: образование, элита, Институт общественных наук при ЦК СЕПГ, Академия общественных наук при ЦК СЕПГ, ГДР, марксистско-ленинская идеология
Для цитирования: Иларионова Т. С. Элита под контролем: из истории повседневности Института (Академии) общественных наук при ЦК Социалистической единой партии Германии (1951—1990) // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 09—27. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-09-27>

Society and Politics

Original article

Elite under Control: the History of Daily Life at the Institute(Academy) of Social Sciences of the Central Committee of the Socialist United Party of Germany (1951—1990)

Tatiana S. Ilarionova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, ilarionovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Abstract. The article deals with the development of the Institute (since 1976 — Academy) of Social Sciences (AON) under the Central Committee of the Socialist United Party of Germany (SED) from 1951 to 1990. It studies a daily work to form a team of teachers and staff and to train graduate students and students for the ruling party of the GDR. The AON at the SED Central Committee is seen as an institution to raise the elite of socialist society. Based on the works of German and Soviet historians, the article makes a conclusion on the positional (official) type of these elite, which was inherent in other socialist countries, primarily the USSR. On the example of the Institute (Academy), the article shows how the university management developed the system of comprehensive control over the activities of teachers and graduate students. This system included detailed curricula, lecture notes, development of practical classes, and control of postgraduate students' notes. Important forms of control were preliminary discussions of conference presentations and publications of lecturers. The departments conducted daily supervision of the teaching stuff, and the library played a great role in this, with its record of books on loan. The leaders of the university, Lene Berg and Otto Rheingold created and maintained this system. They both were virtually unchanged throughout the history of the country. Besides, Otto Rheingold was the Director, and later the Rector, of the Institute (Academy) for almost 38 years. The article concludes that the elite of the socialist GDR (unlike other historical types of elite) was not an idle class in the full sense, as presented in Thorstein Veblen's theory. On the contrary, this elite had to prove its necessity day in and day out in order to keep its position, to demonstrate its adherence to Marxist-Leninist ideology and to the leadership of the university and the Party, and to work to prove its own worthiness. This played its role in 1989—1990, when members of the SED and, in particular, teachers of the Academy of Social Sciences at the Central Committee of the SED lost their privileges and were not in demand in the academic and educational community of united Germany. The study used the materials of the Russian State Archive of Social and Political History and the Federal Archive of Germany, most of these materials are introduced into the research turnover for the first time.

Keywords: education, elite, Institute of Social Sciences at the Central Committee of the SED, Academy of Social Sciences at the Central Committee of the SED, GDR, Marxist-Leninist ideology

For citation: Ilarionova T. S. Elite under Control: the History of Daily Life at the Institute (Academy) of Social Sciences of the Central Committee of the Socialist United Party of Germany (1951—1990). *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 09—27 <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-09-27>

Введение

Образование — безусловное социальное благо — на протяжении своего институционального существования всегда в той или иной мере находилось под контролем государства. В эпоху абсолютизма университеты, как и в целом общественная мысль и нарождавшееся общественное мнение, контролировались жестко, однако находились формы защиты от предвзятости и давления, в частности принимались университетские уставы, в которых оговаривались профессорские и студенческие свободы. При тоталитарных режимах XX в. вузы в государстве становились важным механизмом нужного воспитания новых поколений. При демократии инструменты управления сферой образования принимали правовые формы, иногда «мягкие», иногда идущие вразрез с либеральными ценностями. Институт образования мог быть индикатором изменений в обществе, показателем того, как и в каком направлении развивается та или иная страна, каковы в ней ценности, идеалы, устремления. Развитие школ и вузов могло свидетельствовать о принципах функционирования государства, о достоинствах и дефектах политического режима.

В этом отношении изучение микроистории социализма более чем поучительно, оно дает возможность через понимание жизни небольших коллективов, организаций, сообществ видеть машинерию эпохи. Интерес к исследованию повседневности социализма не угасает за рубежом, тогда как в России основное внимание привлечено к теории вопроса, к обсуждению глобальных процессов и явлений [1—7].

Изучение повседневности социализма может защитить нас от возврата устаревших, но не потерявших своей иллюзорной привлекательности общественных практик. Среди этих практик — всепроникающий государственный контроль сферы образования и науки. Не только собственные примеры (из советского прошлого), но и опыт стран бывшего соцлагеря дают материал для разностороннего анализа этого феномена, обнаруживая как специфику странового развития вузов, так и общие закономерности становления целостной и эффективной системы предотвращения появления оппозиционной мысли в университетской среде.

Для уяснения этих проблем в качестве исследовательского поля в настоящей работе взят Институт (Академия) общественных наук при Центральном Комитете Социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

В «семье» партийных вузов

В 1946 г. 2 августа было принято постановление ЦК ВКП(б), на основании которого существенное обновление получила созданная в СССР еще до войны, в 1939 г., Высшая партийная школа при ЦК партии, а также было организовано учебное заведение нового типа для подготовки высших управленческих партийных и советских кадров, руководителей средств массовой информации — Академия общественных наук при ЦК ВКП(б) [8]. В задачи этих учебных заведений входило также установление международных связей, в первую очередь с образовательными организациями социалистических стран. Позже это выльется в оказание всесторонней помощи в организации по советскому образцу высших партийных школ и академий общественных наук при центральных органах братских партий.

Далеко не во всех странах, где под воздействием СССР стал строиться социализм, процесс формирования действенной системы подготовки новой генерации кадров управления шел, с точки зрения советских товарищей, быстро и хорошо. Например, в Румынии на первых порах пришлось практически полностью копировать учебные планы и программы Высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК КПСС — там не хватало, как и везде в Восточной Европе после войны, людей и средств

на проведение самостоятельной планомерной и эффективной работы [9, р. 219—238].

Та же картина наблюдалась и в восточной части Германии, хотя здесь вопрос о необходимости подготовки марксистски мыслящих руководителей был поставлен даже раньше, чем вышло партийное постановление в Москве: уже в декабре 1945 г. возрожденная силами антифашистов (часть из них в ходе войны была в эмиграции в СССР, часть — во французском Сопротивлении, часть являлась военнопленными советских лагерей), проникшихся идеями Маркса, Энгельса, Ленина, Коммунистическая партия Германии принимает решение о создании Социального исследовательского института, основной задачей которого была именно подготовка кадров [10, s. 24]. Как выяснилось в дальнейшем, название оказалось полезным и дальновидно было использовано: именно исследования и именно социальных отношений (общественные науки) и были позже востребованы не только в Восточной Германии, но и в других странах социалистического содружества, в СССР в первую очередь.

Социальный исследовательский институт начал свою работу силами всего трех преподавателей — убежденных коммунистов, в том числе вернувшейся из эмиграции в СССР Лене Берг. Среди сорока первых слушателей были участники гражданской войны в Испании, узники фашистских концлагерей. На занятиях обсуждались острые темы недавней истории: решения VII Конгресса Коминтерна, на котором в вину социал-демократии была поставлена разобщенность германского рабочего класса, что способствовало приходу Гитлера к власти, заключение советско-германского пакта о ненападении в 1939 г., опыт СССР по построению социализма [10, s. 25].

В тот момент в Восточной Германии также активно начала действовать и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Фактически и Коммунистическая партия Германии, и СДПГ «играли» на одном поле, было ясно, что такое положение не может сохраняться долго. 19 апреля 1946 г. произошло объединение двух политических сил, была создана Социалистическая единая партия Германии, чья деятельность распространялась только на восточную часть страны. Одно из первых решений правления СЕПГ 14 мая 1946 г. касалось именно подготовки партийных кадров — создается Высшая партийная школа им. Карла Маркса [10, s. 26]. Через пять лет, в 1951 г., организуется Институт общественных наук при ЦК СЕПГ, получивший в 1976 г. название Академии общественных наук (АОН) при ЦК СЕПГ. С 1951 по 1961 г. институт возглавляла Лене Берг [11, s. 7]. Ей на смену пришел специалист по политической экономии профессор Отто Рейнгольд¹, который оставался на должности директора института, а затем ректора Академии до 1989 г., т. е. практически до ликвидации АОН при ЦК СЕПГ в 1990 г.

Профессор Рейнгольд 38 лет возглавлял главную кузницу партийных кадров ГДР и во многом определял облик не только главного образовательного учреждения СЕПГ, но и всей системы высшей школы ГДР.

В отличие от академии в Москве, где ни один из ректоров никогда не входил в состав Центрального комитета партии, Отто Рейнгольд на протяжении десятилетий был членом ЦК СЕПГ, в отдельные годы (в 1963—1981 гг.) даже совмещал эту деятельность с руководством отделом в аппарате ЦК СЕПГ [13], имел широкие возможности для влияния на принятие решений. Это не означало, что сам он оставался вне контроля партийных органов, в первую очередь в лице секретаря по идеологии Курта Хагера,

¹ В объемном исследовании истории АОН при ЦК СЕПГ, которое было проведено Лотаром Мертенсом, есть фактическая ошибка: он указывает начало 1962 г. как время назначения О. Рейнгольда на должность директора [12, s. 57], однако и в личном деле Рейнгольда, хранящемся в Федеральном архиве Германии, указывается другая дата — 1961 г. [13]

с которым его связывали длительные доверительные, но все же деловые отношения с сохранением субординации и партийной этики. О. Рейнгольдт смог установить в вузе жесткую систему контроля за деятельностью профессоров и преподавателей, сотрудников и аспирантов. Эта система в ее основных чертах повторяла систему контроля в сфере образования других стран соцлагеря и в то же время имела особенности.

Номенклатура или элита? Руководящие партийные кадры

Институт (Академия) общественных наук при ЦК СЕПГ ориентировался на подготовку высших управленческих кадров, прежде всего для партийных комитетов в Берлине и округах страны. Идеологи ГДР избегали слова «номенклатура», никогда не говорилось и об элите (этот термин относили к лексикону буржуазных теорий построения общества), речь шла о «руководящей деятельности партии» по отношению к «массе рабочего класса» [11, s. 6]. Тем не менее зарубежные специалисты пытались понять, как выглядит, из кого состоит этот самый руководящий слой.

По оценкам социолога Герда Мейера, управленческий класс ГДР был сравним с тем, что был создан в других социалистических странах, прежде всего в СССР. Это был слой партийно-государственных бюрократов, сформированный по позиционному принципу: человек принадлежал к элите, если замещал высокую должность в аппарате, причем далеко не каждого органа или организации, а только избранных. По мнению Мейера, речь могла идти о тех, кто был в центральном аппарате СЕПГ, а также на руководящих должностях массовых организаций — молодежной, профсоюзной, женской, организации, объединявшей интеллигенцию («Kulturbund»), других четырех партий, действовавших в ГДР [14, s. 90]. Количественно им этот слой оценивался приблизительно в 460 должностей, причем, если учитывать совмещение многими людьми нескольких должностей, то речь вообще шла только о 330 лицах. Ядро же, которое действительно можно было считать руководящим, сводилось всего к 45—64 персонам (в зависимости от периода) [14, s. 91]. Вокруг этого слоя формировались своего рода концентрические круги профессионалов и специалистов в различных сферах деятельности, общественных активистов, являвшихся проводниками воли партии.

В отличие от Мейера, германские исследователи, изучавшие этот вопрос уже после объединения страны, считали, что слой элиты ГДР был значительно больше. Так, Петер Хюбнер, ссылаясь на других исследователей, полагал, что речь нужно вести также и о примерно четверти миллиона человек «служивого (или обслуживающего?) класса» социалистического государства, представители которого, хоть и не участвовали напрямую в принятии решений, тем не менее создавали комфортные условия для высших должностных лиц, выступали посредником между, например, членами ЦК и рядовыми партийцами, поставляли им нужную управленческую информацию, участвовали в формировании идеологической линии партии. По данным социологического исследования 1990 г., 17 % работающих в ГДР были служащими в том или ином аппарате [15, s. 10].

Еще один германский исследователь — Эберхард Шнайдер — указывал, что теоретиками выделяются разные типы элит на основе институционального, бихевиористского или репутационного подходов. В ГДР был функциональный тип правящего класса, связанный с должностью, которая (и это важно!) предполагает отправление власти [16, s. 15—19].

П. Хюбнер разделял подход Г. Мейера и М. Восленского [17] в том, что в советском типе общества именно должность делала человека частью элиты, и потому все крутилось именно вокруг этого: занять должность, не потерять должность. П. Хюбнер в своем вступлении к сборнику, посвященному проблемам элиты при социализме, привел интересную выдержку из публикации журнала «Фокус»: издатель Вольф Йобст Зидлер рассуждал о том,

что с приходом Красной армии на восток страны ситуация, и так тяжелая вследствие войны, существенно ухудшилась. Если нацисты изгнали из Германии евреев, которые занимали высокое положение в обществе, то после 1945 г. из ГДР спешно выехала вся аристократия, после блокады 1946—1948 гг. — все крупные землевладельцы и промышленники, а позже из страны разными способами пытался вырваться любой, кто хотел сделать карьеру, но не разделял коммунистических взглядов. Результат — «пустые регионы», включая Берлин, где не осталось людей, способных управлять [15, с. 11].

Именно этот вакуум и были призваны заполнить партийные учебные заведения, прежде всего Институт (Академия) общественных наук при ЦК СЕПГ и Высшая партийная школа им. Карла Маркса.

После создания объединенной партии — СЕПГ вектор ее развития был определен по советскому образцу. Это касалось и деятельности системы партийного образования.

В 1950-е гг. Институту общественных наук его московская «старшая сестра» передавала по просьбе первого секретаря ЦК СЕПГ В. Ульбрихта литературу [18, л. 47], принимала у себя для обмена опытом делегации руководителей и преподавателей ИОН [19, л. 122]. С 1955 г. в Берлин, как и в другие столицы социалистических стран, на постоянной основе стали отправлять советских аспирантов, чьи диссертационные исследования были посвящены международным проблемам [19, л. 148—159], и в свою очередь на обучение в другие города отправлялись немцы (к 1970-м гг. это стабильно были девять-десять человек в год [20, л. 107]).

Как и Академия в Москве, берлинский Институт общественных наук был нацелен на поствузовскую подготовку кадров: работала аспирантура, шли защиты диссертаций. Система присвоения научных степеней в ГДР отличалась от существовавшей в СССР: были доктора наук класса «А» и доктора наук класса «В», степень кандидата наук отсутствовала. Класс «А» предполагал защиту работы с обобщением практики и являлся первой ступенью в научной карьере (мог быть сравним с советской научной степенью кандидата наук), класс «В» предполагал вклад в теоретическую разработку проблем (как докторская степень в СССР) [21]. В Институте общественных наук при ЦК СЕПГ присваивались всего шесть научных степеней (в 1969 г. это было подтверждено министерством высшего и среднего специального образования страны): *doctor philosophiae* (Dr. phil.), *doctor oeconomicae* (Dr. oec.), *doctor rerum politicarum* (Dr. rer. pol.), *doctor scientiae philosophiae* (Dr. sc. phil.), *doctor scientiae oeconomicae* (Dr. sc. oec.), *doctor scientiae politicarum* (Dr. sc. pol.) [22], что приблизительно соответствовало советским степеням кандидата и доктора философских наук (кандидата и доктора экономических наук, кандидата и доктора политических наук в СССР не существовало).

Кроме этого, важной задачей Института была организация краткосрочных курсов повышения квалификации для ответственных партийных работников. В первые годы существования Института, правда, обучение было рассчитано на год и два года и предполагало прием людей даже без высшего образования. Но очень быстро от этого отказались, потому что контингент поступавших не соответствовал представлениям руководства ИОН о партийных работниках нового типа — теоретически подкованных и умевших обобщать собственный практический опыт работы в рядах СЕПГ.

Вся эта деятельность тщательно планировалась и контролировалась.

Набор аспирантов: быт, учеба, контроль

Процедура отбора в аспирантуру была с самого начала установлена следующим образом: в центральных партийных изданиях («Ноейс Дойчланд» или «Нойер вег») публиковалось объявление о наборе аспирантов. Тем, кто намеревался пойти на учебу, нужно было заручиться рекомендациями спе-

циально создававшихся на местах комиссий окружных комитетов партии, получить одобрение партийных бюро этих окружкомов. Затем отделы пропаганды этих комитетов отправляли документы возможного абитуриента в отдел науки и пропаганды при ЦК СЕПГ. Институт видел в качестве основного звена всей этой процедуры те самые комиссии, которые должны были дать первоначальное заключение о претенденте на учебу. Специально устанавливалось, что в этот орган должны были входить по должности начальник отдела руководящего органа (общий отдел в советском варианте), руководитель отдела пропаганды и агитации. Возглавлять комиссию должен был секретарь по идеологии. И только после его одобрения кандидат мог приезжать на экзамены. Для этого давался 14-дневный отпуск [23].

К первому набору в 1951 г. Институт подготовил список трудов, которые поступающие должны были знать: это были произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Вальтера Ульбрихта, материалы съездов СЕПГ и ВКП(б). По завершении приема был составлен отчет, в котором указывались недостатки: практически все абитуриенты показали полное незнание партийной истории после 1945 г., не могли объяснить, почему было принято решение перейти к долгосрочному планированию в экономике ГДР, сказать, что означало для СЕПГ быть «партией нового типа» [23].

Составленный в 1954 г. отчет о приеме в Институт был весь пронизан жесткой критикой. По мнению руководства института, отбор 43 абитуриентов, который произвели комиссии на местах, был из рук вон плох, «большая часть ни по соображениям кадровой политики, ни по своей теоретической подготовке не отвечала требованиям трехгодичного обучения в аспирантуре». Главный недостаток — по своему должностному положению рекомендованные товарищи не подходили для Института, это были по преимуществу «периферийные» кадры, но не в смысле места жительства, а в смысле места занятости. Так, в Лейпциге для учебы в ИОН рекомендовали учителя, который не то что в истории партии не ориентировался, но и теоретической подготовки никакой не имел. Другой пример из Лейпцига — бывшая сотрудница секретариата окружного комитета партии, которая не имела достаточного практического опыта и, как выяснилось, во время восстания 17 июня 1953 г. в Лейпциге не только не противодействовала враждебным выступлениям студентов университета, но и фактически вставала на их сторону. В ходе собеседования уже в Берлине выяснилось, что она совсем не была рада перспективе длительное время оставаться без семьи и маленького ребенка. Список тех, кто совершенно не подходил под высокие критерии Института, был длинный. В конечном счете предлагалось на первых порах на обучение в один-два года, как это было тогда установлено, брать преимущественно выпускников Высшей партийной школы с соответствующей теоретической подготовкой. Впрочем, как показал прием 1954 г., и партийным работникам из столицы не было гарантировано зачисление: из семи абитуриентов был принят тогда один берлинец. Из остальных регионов страны принимали, как правило, половину из желающих. Были и такие крупные города и округа, откуда не было взято на обучение вообще ни одного человека: например, из Геры пробовали поступить четверо, из Потсдама — трое, из Зуля — двое, ни один не был принят. Отдельный порядок приема был для работников министерств и центрального аппарата партии, хотя и там первоначально проходил конкурс документов и только после утверждения в ЦК шли экзамены [24].

В целом вступительные экзамены аспиранты первых трех наборов выдержали плохо. Только 12,2 % во втором наборе и 9,4 % в четвертом (1955 г.) получили отличные оценки, ни один из абитуриентов первого и третьего наборов не получил высшего балла. Аспиранты 1954 г. набора

оказались самыми слабыми: на «хорошо» сдали 46,6 %, а на тройки — 51,7 % товарищей [25].

Институт стремился следовать на практике классовой теории и принимал на трехгодичное обучение в аспирантуре по преимуществу тех, кто происходил из рабочих: в первом наборе (декабрь 1951 г.) таких представителей было 82 %, во втором наборе (январь 1953 г.) — 84 %, в третьем наборе (февраль—сентябрь 1954 г.) — 95 %. Однако по своей основной специальности эти люди далеко не все были рабочими: в наборе 1951 г. они составляли 60 %, 1953 г. — 57 %, 1954 г. — 48 %. Одновременно росло число тех, кого можно было назвать не просто служащими, а именно аппаратчиками: в 1951 г. их доля составляла 22 %, в 1953 г. — 33 %, в 1954 г. — 36 % [25]. На глазах менялась социальная структура управляющего класса ГДР, в которой закономерно все возрастающую роль начинали играть именно бюрократы, партийные функционеры, они стремительно замещали тех самых старых управленцев, которым места в новой Германии просто не было, и показывали закономерный отход от догм классиков марксизма-ленинизма о народной сути социализма. С рабочей средой этот новый слой людей был связан только благодаря своим родителям, биография которых была для их детей пропуском во власть.

Подготовка первых обучавшихся в Институте была, как правило, партийная — до поступления в ИОН большинство из них оканчивали партшколы на местах, причем далеко не все имели высшее партийное образование (в 1954 г. — 28,6 %), более трети (38,8 %) вообще не проходили какого бы то ни было партийного обучения. Всего пятая часть получила высшее образование в вузах гражданской направленности, еще 27,6 % имели среднее специальное образование (сравнимо с образованием, полученным в советских техникумах) и 20,6 % закончили профессиональные школы (сравнимы с советскими ПТУ) [25]. Таким образом, значительный процент обучавшихся в первые годы в Институте вообще не имели высшего образования и профессиональной подготовки, но, видимо, проявили себя в практической работе.

На каждого аспиранта были составлены подробные справки-объективки с указанием всех значимых событий жизни, а также с кратким резюме по итогам собеседования [26]. Интересно и то, как стремительно менялся возрастной состав аспирантов: если в первом наборе средний возраст обучавшихся составлял 27,7 лет, то в четвертом наборе (сентябрь 1955 г.) — уже 30,7 лет [25]. Всего на учебу в аспирантуру в 1951 г. было принято 55 человек, в 1953 г. — 49, в 1954 г. — 58. Учитывалось также и то, где во время войны были в плену эти люди: в СССР или странах Запада [27].

Тем не менее учиться смогли далеко не все. Так, данные свидетельствуют, что из первого набора (который был, видимо, пополнен в течение трех лет и составлял 62 человека) более трети не дошли до финиша: трое были направлены на учебу в Москву, трое стали работать в качестве ассистентов в Институте, семеро сдали государственные экзамены экстерном без защиты диссертации, трое по болезни и пятеро из-за неукладчивости были отчислены. Только 34 человека, т. е. чуть больше половины работали над диссертацией. Еще хуже дело обстояло с аспирантами 1953 г. набора: из 50 человек над диссертациями работали только 23 [28].

Не удивительно, что жесткие требования, установленные в Институте, которым в то время руководила Лене Берг, привели к тому, что только в 1955 г. была защищена первая диссертация. Не менее удручающим был результат и в последующие несколько лет: в 1956 г. — 11 защищенных диссертаций, в 1957 г. — шесть, в 1958 г. — восемь, и только после 1959 г. Институт набрал нужный темп, добиваясь выхода на защиту максимального количества аспирантов [29].

Требовательность к работам была очень высокая. Научные руководители пристально следили за тем, сколько материала научного и эмпирического аспиранты проработали, насколько зрелыми стали их исследовательские поиски и выводы. Причем высчитывалось все это с немецкой педантичностью и скрупулезностью. Так, профессор Хоффман с кафедры германской истории, описывая готовность диссертации подопечного Хайнца Гралаппа, указывал, что литературу аспирант проштудировал на 30 %, газетных материалов — на 10 %, архивных данных — на 10—20 %. Закономерно, что ни подробного плана работы, ни общего представления, как писать о профсоюзной стачке в Берлине в 1932 г., у него не было. Намечался жесткий график сдачи глав, чтобы все-таки активизировать деятельность аспиранта [30, s. 3]. После такой оценки усердия руководство Института делало выводы не только в отношении аспирантов, но и в целом в отношении кафедры. Ей предписывалось усилить контроль за работой обучающихся, улучшить связь с партийной организацией Института (видимо, чтобы на аспирантов воздействовали еще и по партийной линии), четче организовывать обсуждение первых глав диссертационных исследований, в частности вопросов теории и т. д. [30, s. 16].

Нужно отметить, что аспирантский хлеб в ИОН не был легким. Очень часто людей использовали для организации и проведения различных партийных кампаний. Например, аспиранты кафедры КПСС все время были задействованы на разного рода мероприятиях. Так, Вернеру Грюнеру был установлен следующий график подготовки диссертации: 4 апреля 1955 г. — представление законченного текста, 15 апреля — автореферата к нему, июнь — защита. Но во внимание принималось то, что 13 недель из подготовки у него просто выпало: четыре недели болел, две недели работал в ЦК СЕПГ, участвуя в подготовке IV съезда партии, еще одна неделя прошла в районе Райхенбах (также подготовка к съезду) и шесть недель отняли внутривнутрипартийные выборы. Примерно так же обстояли дела и у других аспирантов [31, s. 1].

Аспирантам в начале 1950-х гг., в отличие от тех, что учились позже в АОН при ЦК КПСС, которым сохранялся средний заработок по месту работы, платили единую стипендию, что уравнивало положение всех. Стипендия была небольшой — всего 100 марок ГДР в месяц, 40 марок в месяц выделялось на покупку книг, но эти деньги на руки не выдавались, а направлялись в магазин на оплату приобретенной литературы. Аспиранты с семьями получали ежемесячно 30 марок на каждого ребенка, 160 марок полагалось на съем жилья. Общий доход семьи был не менее 480 марок в месяц. Неженатые и незамужние аспиранты вместо семейных денег получали 10 % от своего прежнего заработка. Кроме того, неберлинцы обеспечивались всем необходимым в общежитии, оплата переезда в Берлин не предусматривалась [32].

Процедура отбора для поступления, утвержденная практика экзаменов, проживание аспирантов — все это создавало идеальную систему контроля над обучающимися в ходе учебы. Кафедры зорко следили не только за успеваемостью, но и за тем, насколько аспиранты прилежны, всю ли рекомендованную литературу читают, активны ли на занятиях. Интересно, что аспиранты первого набора даже не слушали лекции, вся работа шла в группах, где и необходимо было проявлять активность. Например, 22 аспиранта из тех, кто поступил в 1953 г. на кафедру КПСС (Lehrstuhl KPdSU), в течение 10 месяцев (561 час) посещали консультации, семинары, беседы, экзамены. В 1954 г. объем лекций составил 30 часов, в то время как консультации, семинары, дискуссии и другие активные формы занятий длились 614 часов. Также устраивались особые мероприятия: научная дискуссия, семинар по изучению материалов IV съезда СЕПГ, посещение выставок

и рекомендованных к просмотру фильмов [33]. Упор был сделан на индивидуализированную подготовку кадров, хотя формирование небольших исследовательских групп, укрепление личных связей аспирантов и их взаимный контроль также были обязательными целями обучения. Для ведения занятий нужны были преподаватели высокой квалификации и ответственности.

Между стабильностью и изменениями

Для немцев традиционно были чрезвычайно важны идеалы академической свободы. Университеты создавались в самых разных городах раздробленной страны. После наполеоновских войн, в 1816 г., под влиянием таких мыслителей, как братья Гумбольдты, Фихте, Гегель, Шеллинг, в Пруссии принимается университетский устав, который в модернизированном виде действовал и после объединения Германии в 1871 г. [34, с. 253—254] Он предоставлял широкую автономию университетам и профессуре. Даже император Вильгельм II, всерьез опасавшийся распространения социал-демократических взглядов в интеллигентской среде, не мог, действуя через собственное министерство образования, увольнять профессоров-вольнодумцев [35, s. 107].

Все изменилось после прихода к власти национал-социалистов. Многие ученые и преподаватели были изгнаны из университетов, уехали в эмиграцию. После войны в Западной Германии в соответствии с законодательством о чиновниках 1953 г. профессора стали государственными служащими¹. Однако порядок их назначения и увольнения предполагал активную работу самого научно-образовательного сообщества, опирался на традиции университетской автономии. Образование в ГДР по советскому образцу было огосударствлено, так что огромные полномочия по руководству вузами, в том числе по назначению и увольнению сотрудников, были у ректоров и ректоратов [36]. Институт общественных наук при ЦК СЕПГ в этом отношении был образцом.

Стабильность руководства партийным вузом совершенно не означала стабильности штатного расписания и кафедральной структуры. Институт, как и в последующем Академия, находился в постоянной динамике, и это было одним из важнейших инструментов управления коллективом преподавателей и сотрудников. Директор Института (позже — ректор Академии) Лене Берг и профессор Отто Рейнгольд создали уникальную систему управления коллективом, о которой можно судить по подробной статистике 1961 г., которая была подготовлена, скорее всего, ввиду смены руководства Института [37].

Структура Института была более чем компактной. В 1951 г. существовало всего несколько кафедр: марксистско-ленинской философии; политической экономии; германской истории; теории и истории литературы и искусства, истории КПСС [11, s. 10]. Поначалу на них работало 33 преподавателя. По преимуществу это были доценты, профессоров было всего три человека на весь Институт. На трех кафедрах было занято всего по четыре преподавателя, самыми большими по численности были кафедры философии (шесть человек), политической экономии (семь человек), германской истории (восемь человек). Самыми старшими по возрасту были сотрудники кафедры германской истории — профессор Эрнст Хоффманн (1912 года рождения) и доцент Лена Роггенбук (1914 года рождения). В основном же сотрудники были 1922—1928 годов рождения. Очевидно было, что для развития Институт остро нуждается в кадрах. Новые кадры подбирали из числа обучающихся кафедр, а именно тех, кто мог бы пополнить пре-

¹ В новой редакции Закон о федеральной государственной службе были принят 5 февраля 2009 г. Сотрудникам университетом адресован § 130 Wissenschaftliches und leitendes Personal der Hochschulen des Bundes.

подавательские ряды. В 1954 г. таких кандидатов на должность преподавателя было 48 [37].

Интересны вопросы, которые изучались на кафедрах. Например, на кафедре КПСС — история и опыт правящей партии Советского Союза, развитие СЕПГ, партийное строительство в ГДР. Кафедры истории СЕПГ ни в Институте, ни позже в Академии не существовало [38]. Это указывает на то, что развитие Социалистической единой партии Германии было как бы в подчинении (по крайней мере в плане исследования и преподавания) у КПСС. В качестве первоочередной задачи на кафедре германской истории, несмотря на название, стояло изучение актуальных вопросов развития Германии после 1945 г., а также истории Коммунистической партии Германии, созданной во время революции 1918 г. В центре внимания были также вопросы развития рабочего движения в XIX в. и другие проблемы [39]. К 1959 г. кафедра получает название истории рабочего движения [40].

К 1959 г. в Институте проходит реорганизация. В документах начинают фигурировать только четыре кафедры: политической экономики, философии, истории рабочего движения, теории и истории литературы и искусства [41].

После 1976 г. в Академии отходят от кафедральной системы, создается система институтов: марксистско-ленинской философии, политической экономики социализма; научного коммунизма; марксистско-ленинских наук о культуре и литературе; марксистско-ленинской социологии; международного рабочего движения; истории немецкого рабочего движения; истории экономики мировой социалистической системы [11, s. 10]. Сегодня это выглядит предтечей российской системы образования: многие вузы нашей страны в 2000-х гг. перешли на подобную систему внутреннего управления. К 1986 г. всего в АОН при ЦК СЕПГ было 500 сотрудников, из них 92 человека работали в ректорате, отделе кадров и библиотеке. Существенно, до 213 человек, увеличилось и количество аспирантов [12, s. 58].

Руководство вуза особое внимание уделяло бюрократической стороне деятельности профессоров и доцентов. Они должны были фиксировать письменно все, что происходит в аудитории, кроме того, каждое структурное подразделение получило со временем собственные локальные акты, в которых детально регламентировалась деятельность, права и обязанности сотрудников.

Особый объект контроля в Институте — работа библиотеки. Ее сотрудники регулярно информировали руководство о новых поступлениях, а также о том, кто из преподавателей с какой активностью литературу изучает. В 1959 г. принимается решение напрямую подчинить библиотеку директору Института [42]. Библиотека пережила реорганизацию и была фактически объединена с переводческим бюро. Эта структура отвечала также за подготовку к публикации рекомендованных списков литературы, которые подлежали предварительно одобрению отделом науки ЦК СЕПГ [42]. Как и все библиотеки, она имела специальное хранилище, куда допускались далеко не все преподаватели. Книги, запрещенные в СССР, также попадали под замок [43].

Библиотека участвовала в организации обсуждений материалов пленумов ЦК партии, ее новых ключевых документов. Эти обсуждения проводились на всех кафедрах, преподаватели обязаны были показывать глубокое понимание сути документов, которые принимались ЦК [42]. Особенно масштабными подобными рода обсуждения были накануне каких-либо юбилеев. Например, 10-летие ГДР в 1959 г. отмечалось с размахом: была запланирована научная конференция с 23 докладами [44]. Руководители кафедр и руководство Института внимательно следили за подготовкой докладов, изучая регулярные отчеты с указанием, кто из профессоров и доцентов какие тексты докладов сдал, как они были оценены [45].

С советской моделью плановой экономики немцы пошли дальше, чем в СССР: в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ разработали семилетний план научно-исследовательских работ [46]. В нем ясно было выражено требование к профессорам и доцентам не ограничиваться обобщением фактов и явлений практики, а вносить вклад в разработку теории марксизма. В план был включен тезис о единстве в ГДР политики и общественной науки: «Исследования служат научным обоснованием и основой для проведения политики партии, они пронизывают политику партии». Также указывалось, что исследования должны стать основой преподавания в Институте: «План исследований и учебный план должны друг друга взаимно определять. Темы учебного плана должны становиться исследовательскими темами, и наоборот» [46]. В 1986 г. решением Политбюро ЦК СЕПГ будет принят единый («центральный») для всех вузов и научных организаций план общественно-политических исследований до 1990 г.

Лекции и семинары находились под пристальным вниманием руководства кафедр Института: преподавателями заранее составлялись подробные планы занятий, в них указывалась и литература, которую аспиранты должны были проработать самостоятельно, по преимуществу это были текущие партийные документы и фундаментальные труды классиков марксизма-ленинизма. Преподаватели обязаны были проверять аспирантские конспекты таких работ, как «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина или «Капитал» К. Маркса [40]. Также им вменялось в обязанность не только вести занятия, но и самим постоянно учиться, заниматься исследованиями и вести воспитательную работу с аспирантами, несмотря на то, что на обучении находились взрослые люди [39].

Контроль над деятельностью преподавателей устанавливался и иными методами. Так, учитывалось, в каких конференциях преподаватели принимали участие. Например, в 1960 г. они были задействованы в семи «центральных» конференциях, четырех конференциях, организованных кафедрами Института, а также в 62 конференциях за пределами Института [47]. Эти конференции в отчетах описывались с максимальной подробностью: кто и с какими идеями на них выступал, включая тех, кто не работал в Институте.

Особое внимание уделялось публикационной активности преподавателей, которая росла год от года: если в 1953 г. всего одна книга вышла в свет, а в 1954 г. — две, то в 1959 г. — 42, а в 1960 г. — 43 (книги, брошюры, сборники) [48]. Статей же в научных журналах насчитывалось еще больше: в 1959 г. — 95, а в 1960 г. — 130 [49].

Первостепенное значение придавалось публикациям за рубежом. ГДР, как и СССР после войны, видела собственную задачу в укреплении связей внутри социалистического лагеря, и территориальная близость, сходство судьбы, а также курс руководства Института (Академии) побуждали активно развивать эти контакты. Возможность быть включенными в международные обмены была для граждан ГДР абсолютной привилегией. Только те, кто относился к элитарным слоям общества, занимал соответствующие должности, работал в партийно-государственных структурах (и то не всех), могли рассчитывать на общение с иностранными коллегами, иметь доступ к зарубежной литературе, верх признания — осуществить служебную поездку за рубеж. В этом отношении Институт (Академия) при ЦК СЕПГ была такой организацией, причастность к которой давала привилегию участвовать в международной жизни страны. Так, к 1961 г. преподаватели всех кафедр публиковались в Чехословакии, Венгрии, Румынии, в СССР. Работы выходили также и в Италии, Нидерландах, Западной Германии, других странах [50]. Это вовсе не означало, что все преподаватели могли свободно ездить на конференции в эти страны. На конференции выезжали

по преимуществу руководители Института (Академии), заведующие кафедрами, отдельные авторы. Например, во многих соцстранах публиковались Штефан Дёрнберг и Йоханнес Целт с кафедры истории рабочего движения, причем каждый из них выступал с совершенно разными темами — от критики монополистического капитала до исторических итогов Октябрьской революции в России. Целый ряд статей был фактически одной и той же работой, переведенной на несколько языков и изданной в нескольких странах. Так, о роли германских коммунистов в Венгерской Республике Йоханнес Целт опубликовал статью и на русском, и на венгерском языках, как ранее и на немецком [50]. Но главным представителем Института и позже Академии за рубежом был Отто Рейнгольд, он особенно часто выезжал в Японию, Италию, Францию [51].

Под контролем была и внеинститутская активность преподавателей. Обязательным предметом контроля оставалась работа, как правило на общественных началах, в разного рода комиссиях и редколлегиях газет и журналов. Сведения собирались о каждом из сотрудников: в какой именно комиссии человек был представлен, как часто проходили заседания, чему они посвящались (таблица).

Участие преподавателей Института общественных наук при ЦК СЕПГ в научных комиссиях за пределами Института (1962) [52]

Participation of teachers of the Institute of Social Sciences of the SED Central Committee in academic panels outside the Institute (1962) [52]

Научные комиссии и редакции, в работе которых принимали участие сотрудники Института	Количество сотрудников Института, участвовавших в работе	Количество комиссий с участием сотрудников Института
Партийные комиссии	25	24
Редакции научных журналов, газет и т. д.	25	32
Комиссии научных институтов, академий, университетов, министерств, предприятий	56	66
Комиссии общественных организаций	23	26

Иерархии и социальные дистанции

При формировании новой элиты в социалистической ГДР обнаруживались иные социальные маркеры принадлежности к избранному слою. Работа в престижном Институте (Академии) общественных наук при ЦК СЕПГ уже была несомненной привилегией, а факт работы на должности профессора или доцента этого вуза уже говорил о высоком общественном статусе человека.

Однако была и обратная сторона: высокий статус сотрудника АОН при ЦК СЕПГ был связан с безусловным подчинением устанавливаемым порядкам, ежеминутным контролем за выполнением обязанностей, за действиями, ходом мысли, общением с коллегами, участием в обязательных мероприятиях, проявлением рвения в деле пропаганды марксистско-ленинских идей. Так, сверху предписывалось, как именно нужно трактовать те или иные события политической жизни, или не трактовать их вообще. Например, при обсуждении доклада Н. С. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде КПСС было предписано подчеркивать, что «при социализме не каждое движение может быть свободным от демагогии» и что на съезде не было дано «никакого анализа развития социализма в других странах» [53]. То есть ГДР намерена была следовать и следовала уже ранее взятому курсу. Правильно указывал исследователь истории АОН при ЦК СЕПГ Лотар Мертенс: «Как и все прочие мировоззренческие дик-

татуры, режим СЕПГ пропагандировал оптимизм своего прогресса» [12, s. 11]. Это проявилось со всей силой в 1961 г.: ни одного заседания ни одной из кафедр не было посвящено строительству 13 августа Берлинской стены. Не было обсуждения и событий в Венгрии 1956 г. или в Чехословакии 1968 г. Своего рода политическая омерта по поводу не одобряемых партией событий и явлений была обязательным элементом жизни сотрудников Академии, как и в целом социалистической элиты.

Система отношений в АОН была пропитана лицемерием. Членам СЕПГ было принято друг к другу обращаться на «ты». Так, переписка О. Рейнгольда с секретарем ЦК СЕПГ К. Хагером — это исключительно теплое общение с обязательным товарищеским «ты». Однако, по свидетельству самих сотрудников Академии, дистанции между профессорами и ассистентами, между преподавателями и О. Рейнгольдом были непреодолимыми: рядовые сотрудники коллектива видели своего директора/ректора в лучшем случае два раза в год — на отчетном собрании партийной организации и на профсоюзном собрании. Обратиться напрямую к ректору было для преподавателя делом неслыханным, выстроенная система иерархии предписывала общение только с линейными руководителями, заведующими кафедрами по всем вопросам работы и жизни, а те в свою очередь могли донести ту или иную информацию не иначе как через заместителей ректора. Редко общественно-политические вопросы критического толка поднимались на совещаниях с ректором. Ректор был доступен только узкому кругу приближенных, и это правило не менялось десятилетиями¹.

Позже лицемерие системы проявилось и в 1984 г. в истории с бегством младшей дочери ректора от первого брака в Федеративную Республику Германия. О. Рейнгольд по этому поводу писал объяснительную записку секретарю ЦК СЕПГ К. Хагеру. Вопреки распространенной практике, он не только не получил какого бы то ни было взыскания, но и продолжал поездки за рубеж [51]. Оказалось, что элита в ГДР имеет и еще одну преференцию — не нести ответственности за родственников, которые совершают противоправные (с точки зрения системы власти в то время) действия.

Т. Веблен в своей «Теории праздного класса» представил обобщенный образ элиты и вывел: «Функция праздного класса в развитии общества — препятствовать движению, сохраняя то, что устарело... Богатый класс противится нововведениям потому, что у него есть закрепленное законом право на собственность — недостойная материальная заинтересованность в сохранении существующих условий» [54, с. 208].

Нежелание что бы то ни было менять в полной мере было присуще элите ГДР, в том числе сотрудникам АОН при ЦК СЕПГ. Так, партийная верхушка не приняла перестройку и по-новому выстраивала отношения с СССР, критикуя действия советских товарищей. В сентябре 1984 г. делегация АОН при ЦК КПСС приняла участие в конференции по случаю 35-летия ГДР, проходившей в Берлине и Ростове. По возвращении в Москву был подготовлен отчет о встречах, на которых высказывались суждения, оценки, которые, по мнению составителей отчета, могли представлять интерес. Так, на заключительном приеме, устроенном в честь участников конференции, ректор АОН при ЦК СЕПГ О. Рейнгольд в беседе с главой делегации, секретарем партийной организации АОН при ЦК КПСС Н. И. Кондаковой, говорил о том, что «советская печать не всегда точно выбирает цель для критики реваншизма, и это может способствовать переходу некоторых людей в ФРГ в лагерь реваншистов. Нужно четче представлять себе, кто является реваншистом, а кто нет, и использовать имеющиеся в обществе ФРГ противоречия для борьбы за мир против реваншизма. Г. Коль, например, не является реваншистом». Эту же тему, но с другой стороны, затронула в бе-

¹ Из интервью автору бывшего преподавателя АОН при ЦК СЕПГ В. Хеделера.

седе с участником конференции А. А. Мацневым замещавшая должность консультанта ЦК СЕПГ Лене Берг. Она заметила, что бороться против реваншизма, конечно, нужно, но это необходимо делать так, чтобы не наносить ущерба движению сторонников мира в ФРГ, чтобы не отвлекать их внимания от главной цели антивоенного движения. «В целом создается впечатление, что эти товарищи очень боятся обидеть кого-то из политиков ФРГ», — делали свой вывод советские эксперты [55, л. 6—7].

Заключение

Стабильность кадров в ГДР вела со временем к старению партийных кадров. Как показывают статистические данные, проанализированные Гердом Мейером, с 1971 по 1989 гг. почти вдвое сократилось количество членов ЦК СЕПГ в возрасте до 40 лет; вчетверо — в возрасте от 41 года до 48 лет; но вдвое увеличилось количество тех, кому было от 49 лет до 61 года; вдвое выросло число тех, кому было от 62 до 75 лет и практически на прежнем уровне оставалось число тех, кому было более 71 года [56, s. 152].

И такие люди, как Курт Хагер, Отто Рнейнгольд, Лене Берг по-прежнему определяли образ мысли своих сограждан.

В то же время социалистическая элита не была в полном смысле «праздным классом», как писал Т. Веблен. Это был, по сути, трудящийся класс, находившийся под неусыпным контролем у вышестоящих руководителей партии. Для сохранения своих должностей следовало каждый день доказывать свою нужность и незаменимость. Это был класс, представители которого, связанные длительными рабочими отношениями, не позволяли пускать в свои ряды непроверенных чужаков. Закономерным было то, что эти люди не смогли увидеть будущего и уберечься от него: Академия при ЦК СЕПГ прекратила свое существование вскоре после того, как рухнула Берлинская стена. В 1989 г. на короткое время был назначен новый ректор, под руководством которого коллектив Академии принял решение о самороспуске вуза. Позже на улице Таубенштрассе 19 даже само здание АОН было снесено, сегодня вместо него построен офисный центр.

Правящий класс ГДР исчез в борьбе за выживание: по свидетельству бывшего сотрудника Академии В. Хеделера, лишь немногим удалось остаться в науке, реализуя отдельные проекты, большинство же преподавателей переквалифицировались в страховых агентов или сидели без работы. К сожалению, социологических исследований о судьбе этих людей в современной Германии не найти. Лишь включенное наблюдение свидетельствует о том, что объединение страны не оставило хотя бы какого-нибудь значимого места для бывшей элиты в элите нынешней.

Список источников

1. Андрюшин Е. Н. Государственный социализм без ретуши и фальши: страницы теории и истории. М. : Спутник +, 2020. 245 с.
2. Водолазов Г. Г. Социализм после Октября. Вода живая и мертвая. М. : Политическая энциклопедия, 2022. 415 с.
3. Исайчиков В. Ф. Политическая экономия: от решения старых проблем к постановке новых задач: классовый анализ советского социализма и прогноз развития общества. Кризис прогнозов. Прогноз кризисов. М. : ЛЕНАНД, 2023. 480 с.
4. Лэйн Д. Капиталистическая трансформация государственного социализма: создание и развал государственного социализма и что произошло дальше : моногр. : пер. с англ. М. : ИНИР им. С. Ю. Витте, 2022. 309 с.
5. Социализм — творческая сила истории. Признаки в глобальных миропроцессах : коллектив. моногр. / [А. И. Аганин, В. Э. Багдасарян, И. М. Братищев и др.]; под науч. ред. И. М. Братищева. М. : СОТИС, 2024. 744 с.
6. Станкевичус А. М. Социализм: история благих намерений. СПб. : Реноме, 2022. 648 с.

7. Чжан Ифэй. Капитализм, коммунизм и социализм: взгляд на историю общественной мысли. СПб. : Свет : Нестор-История, 2022.
8. О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских кадров : постановление ЦК ВКП(б) от 2 авг. 1946 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 8. 1946—1955 гг. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1985. С. 39—48.
9. Parionova T. «Doresc să se prezinte ca parteneri egali»: relațiile dintre România și URSS în anii 1950 și 1970 în documentele școlilor de partid sovietic // Archiva Moldaviae (Iași, România). 2021. XIII. P. 219—238.
10. Abraham H. Neubeginn auf reichen Traditionen. Gedanken zur Gruendung der Parteihochschule «Karl Marx» // Parteihochschule «Karl Marx» beim ZK der SED: Festschrift zum 20. Jahrestag unserer Partei. Berlin, 1966. S. 21—29.
11. Akademie der Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. 1951—1981. Berlin, 1981. 148 s.
12. Mertens L. Rote Denkfabrik?: Die Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. Münster: Lit-Verl., 2004. 495 s.
13. Bundesarchiv (BArch). DY 30/93081.
14. Meyer G. Die politische Elite der DDR // Der Bürger im Staat. 1983. N 2. 90—98 s.
15. Eliten im Sozialismus. Beiträge zur sozialgeschichte der DDR / Peter Hübner (Hrsg.). Köln : Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 1999. 476 s.
16. Schneider E. Die politische Funktionselite der DDR. Eine empirische Studie zur SED-Nomenklature. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1999. 268 s.
17. Восленский М. С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М. : Советская Россия ; Октябрь, 1991. 670 с.
18. Российский государственных архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 14.
19. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 4.
20. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 125.
21. Promotionsrecht in der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin : Ministerium für Hoch- und Fachschulwesen ; Rat für akademische Grade, 1969.
22. Dem Wissenschaftlichem Rat... Berlin, am 1. September 1969 // BArch. DY/30/22148.
23. BArch. DY 30/22153.
24. Bericht über die Auswahl der Aspiranten für das Institut für Gesellschaftswissenschaften beim Zentralkomitee der SED // BArch. DY 30/22153.
25. Vergleichsübersicht der Analysen der drei Dreijahreslehrgänge // BArch. DY 30/38467.
26. Vorliegende Anträge auf Zulassung zur außerplanmäßigen Aspirantur // BArch. DY 30/38473.
27. Vergleichsübersicht der Analysen der vier Lehrgänge // BArch. DY 30/38467.
28. Übersicht über den 1. Dreijahreslehrgang // BArch. DY 30/38467.
29. Anlage. Arbeitsergebnisse des Instituts. Berlin, den 31.7.1961 // BArch. DY 30/38468.
30. Lehrstuhl Deutsche Geschichte. 16.11.1954 // BArch. DY 30/38473.
31. An die Direktion des Instituts. 9.11.1954 // BArch. DY 30/38473.
32. Merkblatt // BArch. DY 30/22153.
33. Lehrstuhl KPdSU. 21.2.1955 // BArch. DY 30/38467.
34. Дёмин М. Немецкий университет XIX века и дисциплинарная специализация философии // Логос. 2013. № 1(91). С. 240—261.
35. Clark Chr. Wilhelm II. Die Herrschaft letzten deutschen Kaisers. München : Pantheon, 2009. 414 s.
36. Jessen R. Akademische Elite und kommunistische Diktatur in der Ulbricht-Ära. Göttingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 1999. 552 s.
37. Lehrkörper des Instituts fuer Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. Berlin, den 19.12.1955 // BArch. DY/30/38473.
38. Lehrstuhl für Geschichte der KPdSU. 1.6.1954 // BArch. DY 30/38473.
39. Lehrstuhl: Deutsche Geschichte. 1.6.1954 // BArch. DY 30/38473.
40. Lehrstuhl: Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin, den 19.8.1959 // BArch. DY/30/86139.
41. II. Konferenzen (ausschliesslich grösserer Diskussionen). Berlin, den 6.10.1961 // BArch. DY 30/38468.
42. Beschlußprotokoll der Institutsleitungssitzung vom 8.6.1959 // BArch. DY 30/86139.
43. Hamann O. Sowjetliteratur fuer den Giftschränk die Werke Solschenizyns in den Sammlungen der Deutschen Staatsbibliothek Berlin bis 1989 // Bibliotheksmagazin. 2018. N 3. S. 25—31.
44. Protokoll der Direktionssitzung vom 3. August 1959 // BArch. DY 30/86139.
45. Sicherung der Beiträge zur wissenschaftlichen Konferenz anlässlich des 10. Jahrestages der DDR // BArch. DY 30/86139.
46. Allgemeine Richtlinien für der 7-Jahrplan der Forschungsarbeit des Instituts fuer Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED von 1959-65 // BArch. DY 30/86139.

47. Statistische Übersicht über die wissenschaftlichen Konferenzen. Berlin, den 12.1.1961 // BArch. DY 30/38468.
48. Statistik der Bücher, Broschüren und Sammelbände. Berlin, den 13.1.1961 // BArch. DY 30/38468.
49. Direktion. 5.4.1961 // BArch. DY 30/38468.
50. Zusammenstellung 1) der Veröffentlichungen von Mitarbeitern des Instituts in Ausland; 2) der Rezensionen über Arbeiten von Mitarbeitern des Instituts in Ausland. Berlin, den 12.1.1961 // BArch. DY 30/38468.
51. BArch. DY 30/93081.
52. Statistische Übersicht über die Mitarbeit der Mitglieder der Lehrstühle in Kommissionen außerhalb des Instituts. Berlin, den 2.2.1962 // BArch. DY 30/38468.
53. Diskussionsbeitrag fuer die erweiterte Lehrstuhlsitzung am 28.7.1956 // BArch. DY 30/86175.
54. Веблен Т. Теория праздного класса : пер.с англ. М. : ЛИБРОКОМ, 2016. 366 с.
55. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2с. Д. 395.
56. Meyer G. Die DDR-Machtelite in der Ära Honecker. Tübingen : Franke, 1991. 495 s.

References

1. Andryushin E.N. Gosudarstvennyy sotsializm bez retushi i fal'shi: stranitsy teorii i istorii [State Socialism without Retouching and Falsity: Pages of Theory and History]. Moscow, Sputnik +, 2020, 245 p.
2. Vodolazov G.G. Sotsializm posle Oktyabrya. Voda zhivaya i mertvaya [Socialism after October. Living Water and Healing Water]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2022, 415 p.
3. Isaychikov V.F. Politicheskaya ekonomiya: ot resheniya starykh problem k postanovke novykh zadach: klassovyy analiz sovetskogo sotsializma i prognoz razvitiya obshchestva. Krizis prognozov. Prognoz krizisov [Political Economy: from Solving Old Problems to Setting New Tasks: Class Analysis of Soviet Socialism and Forecasting the Development of Society. The Crisis of Forecasts. Forecasting Crises]. Moscow, LENAND, 2023, 480 p.
4. Leyn D. Kapitalisticheskaya transformatsiya gosudarstvennogo sotsializma: sozdanie i razval gosudarstvennogo sotsializma i chto proizoshlo dal'she [The Capitalist Transformation of State Socialism: the Creation and Collapse of State Socialism and What Happened Next], monogr. Moscow, INIR im. S.Yu. Vitte, 2022, 309 p. (in Russ.).
5. Aganin A.I., Bagdasaryan V.E., Bratishchev I.M. et al., Bratishcheva I.M. (ed.) Sotsializm - tvorcheskaya sila istorii. Priznaki v global'nykh miroprotsessakh [Socialism is the Creative Force of History. Signs in Global World Processes], kollektiv. monogr. Moscow, SOTIS, 2024, 744 p.
6. Stankevichyus A.M. Sotsializm: istoriya blagikh namereniy [Good Socialism: a Story of Intentions]. Saint-Petersburg, Renome, 2022, 648 p.
7. Chzhan Ifey. Kapitalizm, kommunizm i sotsializm: vzglyad na istoriyu obshchestvennoy mysli [Capitalism, Communism and Socialism: A Look at the History of Social Thought]. Saint-Petersburg, Svet, Nestor-Istoriya, 2022.
8. O podgotovke i perepodgotovke rukovodyashchikh partiynykh i sovetskikh kadrov [On Training and Retraining of Leading Party and Soviet Cadres], postanovlenie TsK VKP(b) 2 August 1946, *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898—1986). T. 8. 1946—1955 gg.* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898-1986). Vol. 8. 1946-1955], ed. 9. Moscow, Politizdat, 1985, pp. 39-48.
9. Ilarionova T. "Doresc să se prezinte ca parteneri egali": relațiile dintre România și URSS în anii 1950 și 1970 în documentele școlilor de partid sovietic ["Willing to Present Themselves as Equal Partners": Relations Between Romania and the USSR in the 1950s and 1970s in the Documents of Soviet Party Schools], *Archiva Moldaviae (Iași, România)* [Archiva Moldaviae (Iași, Romania)], 2021, XIII, pp. 219-238.
10. Abraham H. Neubeginn auf reichen Traditionen. Gedanken zur Gruendung der Parteihochschule "Karl Marx" [A New Beginning Based on Rich Traditions. Thoughts on the Founding of the "Karl Marx" Party School], *Parteihochschule "Karl Marx" beim ZK der SED: Festschrift zum 20. Jahrestag unserer Partei* [Party University "Karl Marx" at the Central Committee of the SED: Commemorative Publication on the 20th Anniversary of Our Party]. Berlin, 1966, pp. 21-29.
11. Akademie der Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. 1951-1981 [Academy of Social Sciences at the Central Committee of the SED. 1951-1981]. Berlin, 1981, 148 p.
12. Mertens L. Rote Denkfabrik?: Die Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED [The Red Think Tank?: The Academy of Social Sciences at the Central Committee of the SED]. Münster, Lit-Verl., 2004, 495 p.
13. Bundesarchiv (BArch) [Federal Archives (BArch)], DY 30/93081.

14. Meyer G. Die politische Elite der DDR [The Political Elite of the GDR], *Der Bürger im Staat [The Citizen in the State]*, 1983, no. 2, 90-98 p.
15. Hübner Peter (ed.) Eliten im Sozialismus. Beiträge zur sozialgeschichte der DDR [Elites under Socialism. Contributions to the Social History of the GDR]. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 1999, 476 p.
16. Schneider E. Die politische Funktionselite der DDR. Eine empirische Studie zur SED-Nomenklature [The Political Functional Elite of the GDR. An Empirical Study of the SED Nomenclature]. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1999, 268 p.
17. Voslenskiy M.S. Nomenklatura: gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza [Nomenklatura: the Ruling Class of the Soviet Union]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, Oktyabr', 1991, 670 p.
18. Rossiyskiy gosudarstvennykh arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI)], coll. 606, aids. 2/s, fol. 14.
19. RGASPI, coll. 606, aids. 2/s, fol. 4.
20. RGASPI, coll. 606, aids. 2, fol. 125.
21. Promotionsrecht in der Deutschen Demokratischen Republik [Right to Award Doctorates in the German Democratic Republic]. Berlin, Ministerium für Hoch- und Fachschulwesen, Rat für akademische Grade, 1969.
22. Dem Wissenschaftlichem Rat... [The Scientific Council...], Berlin, am 1. September 1969, *BArch*, DY/30/22148.
23. *BArch*, DY 30/22153.
24. Bericht über die Auswahl der Aspiranten für das Institut für Gesellschaftswissenschaften beim Zentralkomitee der SED [Report on the Selection of Candidates for the Institute for Social Sciences at the Central Committee of the SED], *BArch*, DY 30/22153.
25. Vergleichsübersicht der Analysen der drei Dreijahreslehrgänge [Comparative Overview of the Analyses of the Three 3-year Courses], *BArch*, DY 30/38467.
26. Vorliegende Anträge auf Zulassung zur außerplanmäßigen Aspirantur [Existing Applications for Admission to the Extracurricular Post-Graduate Program], *BArch*, DY 30/38473.
27. Vergleichsübersicht der Analysen der vier Lehrgänge [Comparative Overview of the Analyses of the Four Courses], *BArch*, DY 30/38467.
28. Übersicht über den 1. Dreijahreslehrgang [Overview of the 1st Three-Year Course], *BArch*, DY 30/38467.
29. Anlage. Arbeitsergebnisse des Instituts. Berlin, den 31.7.1961 [Appendix. Work Results of the Institute], *BArch*, DY 30/38468.
30. Lehrstuhl Deutsche Geschichte. 16.11.1954 [Chair of German History. 16.11.1954], *BArch*, DY 30/38473.
31. An die Direktion des Instituts. 9.11.1954 [To the Administration of the Institute. 9.11.1954], *BArch*, DY 30/38473.
32. Merkblatt [Instruction sheet], *BArch*, DY 30/22153.
33. Lehrstuhl KPdSU. 21.2.1955 [Chair KPdSU. 21.2.1955], *BArch*, DY 30/38467.
34. Demin M. Nemetskiy universitet XIX veka i distsiplinarnaya spetsializatsiya filosofii [The Nineteenth-Century German University and the Disciplinary Specialization of Philosophy], *Logos*, 2013, no. 1(91), pp. 240-261.
35. Clark Chr. Wilhelm II. Die Herrschaft letzten deutschen Kaisers [The Reign of the Last German Emperor]. München, Pantheon, 2009, 414 p.
36. Jessen R. Akademische Elite und kommunistische Diktatur in der Ulbricht-Ära [Academic Elite and Communist Dictatorship in the Ulbricht Era]. Göttingen, Vandenhoeck&Ruprecht, 1999, 552 p.
37. Lehrkörper des Instituts fuer Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. Berlin, den 19.12.1955 [Faculty of the Institute for Social Sciences at the Central Committee of the SED. Berlin, 19.12.1955], *BArch*, DY/30/38473.
38. Lehrstuhl für Geschichte der KPdSU. 1.6.1954 [Chair of the History of the CPSU. 1.6.1954], *BArch*, DY 30/38473.
39. Lehrstuhl: Deutsche Geschichte. 1.6.1954 [Chair: German History. 1.6.1954], *BArch*, DY 30/38473.
40. Lehrstuhl: Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin, den 19.8.1959 [Chair: History of the Labor Movement. Berlin, August 19, 1959], *BArch*, DY/30/86139.
41. II. Konferenzen (ausschliesslich grösserer Diskussionen). Berlin, den 6.10.1961 [II Conferences (excluding major discussions). Berlin, October 6, 1961], *BArch*, DY 30/38468.
42. Beschlußprotokoll der Institutsleitungssitzung vom 8.6.1959 [Minutes of the Meeting of the Institute's Administration on June 8, 1959], *BArch*, DY 30/86139.
43. Hamann O. Sowjetliteratur fuer den Giftschrank die Werke Solschenizyns in den Sammlungen der Deutschen Staatsbibliothek Berlin bis 1989 [Soviet Literature for the Poison Cabinet Solzhenitsyn's

- Works in the Collections of the German State Library Berlin until 1989], *Bibliotheksmagazin* [Library Magazine], 2018, no. 3, pp. 25-31.
44. Protokoll der Direktionssitzung vom 3. August 1959 [Minutes of the Administration Meeting on August 3, 1959], *BArch*, DY 30/86139.
45. Sicherung der Beiträge zur wissenschaftlichen Konferenz anlässlich des 10. Jahrestages der DDR [Securing the Contributions to the Scientific Conference on the 10th anniversary of the GDR], *BArch*, DY 30/86139.
46. Allgemeine Richtlinien für der 7-Jahrplan der Forschung-sarbeit des Instituts fuer Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED von 1959-65 [General Guidelines for the 7-Year Research Plan of the Institute for Social Sciences at the Central Committee of the SED from 1959-1965], *BArch*, DY 30/86139.
47. Statistische Übersicht über die wissenschaftlichen Konferenzen. Berlin, den 12.1.1961 [Statistical Overview of the Scientific Conferences. Berlin, January 12, 1961], *BArch*, DY 30/38468.
48. Statistik der Bücher, Broschüren und Sammelbände. Berlin, den 13.1.1961 [Statistics on Books, Brochures and Anthologies. Berlin, January 13, 1961], *BArch*, DY 30/38468.
49. Direktion. 5.4.1961 [Administration. 5.4.1961], *BArch*, DY 30/38468.
50. Zusammenstellung 1) der Veröffentlichungen von Mitarbeiter des Instituts in Ausland; 2) der Rezensionen über Arbeiten von Mitarbeitern des Instituts in Ausland. Berlin, den 12.1.1961 [Compilation of 1) Publications by Institute Staff Abroad; 2) Reviews of Works by Institute Staff Abroad. Berlin, 12.1.1961], *BArch*, DY 30/38468.
51. *BArch*, DY 30/93081.
52. Statistische Übersicht über die Mitarbeit der Mitglieder der Lehrstühle in Kommissionen außerhalb des Instituts. Berlin, den 2.2.1962 [Statistical Overview of the Participation of Members of the Chairs in Panels outside the Institute. Berlin, 2.2.1962], *BArch*, DY 30/38468.
53. Diskussionsbeitrag fuer die erweiterte Lehrstuhlsitzung am 28.7.1956 [Discussion Paper for the Extended Chair Meeting on 28.7.1956], *BArch*, DY 30/86175.
54. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [The Theory of the Idle Class]. Moscow, LIBROKOM, 2016, 366 p.
55. *RGASPI*, coll. 606, aids. 2s, fol. 395.
56. Meyer G. Die DDR-Machtelite in der Ära Honecker [The GDR Power Elite in the Honecker Era]. Tübingen, Franke, 1991, 495 p.

Информация об авторе

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Information about the author

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Philosophical Science, Professor of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.08.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 29.08.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.